

Бирская гончарная слобода

М.И. Роднов^{1*}, Л.К. Хакова²

¹ *Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация*

** rodnov@uifacot.ru*

² *Краевед*

Бирск, Российская Федерация

Резюме. Важное значение среди кустарных промыслов конца XIX – начала XX в. занимало гончарное (керамическое) производство. Фабричная промышленность не могла обеспечить многомиллионное население Российской империи своей продукцией, в первую очередь жителей сельской местности и небольших уездных городов. Поэтому везде существовало гончарное производство глиняной посуды и другой продукции. А в местах с концентрацией населения складывались специализированные районы, где селились гончары. Так было в Уфе (Нижегородка), так произошло и в Бирске – центре огромного Бирского уезда, охватывавшего почти весь север Уфимской губернии. Там на северной окраине города к началу XX в. сложилось отдельное небольшое поселение – Гончарная слобода (улица Гончарная). Количество ремесленников-гончаров было не особенно велико, достигая несколько десятков мастеров. Ежегодно один гончар с помощью членов семьи изготавливал сотни изделий, что вполне обеспечивало потребности рынка. Вдобавок на бирские базары поступала продукция сельских ремесленников, а для постоянной части населения в магазинах всегда имелась в продаже железная, стеклянная, хрустальная посуда. Из-за сравнительной малочисленности и работы исключительно на местные рынки, в исторических источниках, исследованиях статистиков гончарное производство освещалось слабо, в сравнении с другими промыслами. Поэтому важное значение имеет привлечение новых источников – материалов городской переписи 1917 г. и воспоминаний жителей Бирска, обитавших в районе улицы Гончарной.

Ключевые слова: Бирск; Уфимская губерния; гончарное производство; керамика; торговля; городская перепись 1917 года; мемуары; экономика; вторая половина XIX – начало XX века

Для цитирования: Роднов М.И., Хакова Л.К. Бирская гончарная слобода. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, №. 3. С. 82–102. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.82-102>

Birsk Pottery Settlement

M.I. Rodnov^{1*}, L.K. Khakova²

¹ Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation

* rodnov@ufacom.ru

² Local historian
Birsk, Russian Federation

Abstract. Pottery (ceramics) production occupied a significant place among the handicraft industries of the late 19th and early 20th centuries. Factory production was unable to provide for the multi-million population of the Russian Empire, primarily those living in rural areas and small provincial towns. Therefore, pottery – the making of clay vessels and other goods – existed everywhere. In densely populated areas, specialized craft quarters developed where potters settled. This was the case in Ufa (Nizhegorodka), as well as in Birsk, the center of the vast Birsk district, which encompassed almost the entire northern part of Ufa province. There, on the northern outskirts of the city, by the early 20th century, a separate small settlement had emerged – Goncharnaya Sloboda (Goncharnaya Street). The number of pottery artisans was not particularly large, reaching a few dozen master craftsmen. Each year, a single potter, with the help of family members, produced several hundred pieces, which amply met the market's needs. In addition, the Birsk bazaars supplied the products of rural artisans, and for the wealthy segment of the population, iron, glass, and crystal tableware were always available in stores. Due to the comparatively small number of workers and their exclusive focus on local markets, pottery production has received little attention in historical sources and statistical studies compared to other crafts. Therefore, it is important to draw on new sources – data from the 1917 city census and the memoirs of Birsk residents living in the Goncharnaya Street area.

Keywords: Birsk; Ufa province; pottery production; ceramics; trade; 1917 city census; memoirs; economics; second half of the 19th – early 20th centuries

For citation: Rodnov M.I., Khakova L.K. Birsk Pottery Settlement. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 3, pp. 82–102. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.82-102> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее успешно развивающихся направлений в современной российской историографии является история повседневности, изучение обыденной жизни преимущественно рядового населения. А всю жизнь любой семьи во все века сопровождает посуда. Глиняную посуду наиболее активно изучают археологи, для которых керамика – один из важнейших источников познания прошлого, вплоть до нового времени (Данилов, 2022). Значительный вклад внесли этнографы, Д.К. Зеленин отмечал для-

тельное бытование у русских ручного гончарного круга. В знаменитом своим гончарном производстве с. Гжель Бронницкого уезда Московской губернии еще в 1860 г. пользовались как ручным, так и ножным гончарными кругами. Зеленин выделял три типа глиняной посуды – в форме овала (горшки и пр.), цилиндра (кружка, кринка, др.) и перевернутого усеченного конуса (миска, плошка и т. д.) (Зеленин, 1991, с. 134, 138–139). Такое деление сохраняется в современных книгах, рассчитанных на широкую публику (Беловинский, 2003); [8].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В обширной советской и новейшей историографии о кустарных промыслах (крестьянской промышленности) России приводились общие данные по гончарному производству (Рындзюнский, 1966; Тарновский, 1995; Водарский, 2004). В последних исследованиях раскрываются региональные особенности. Так, в Московской губернии в конце XIX в. гончарный промысел включал производство разной фарфоровой, фаянсовой и глиняной посуды, кухонных и садовых горшков, белого, красного, огнеупорного кирпича, труб, брусков для кос и т. д., выделялся Гжельский район. Но сельские мастера не выдерживали конкуренции с промышленным фарфорово-фаянсовым производством, разорялись, переходили на фабрики. В материалах обследования Богородского уезда в 1890 г. отмечались жалобы кустарей, «что простой горшечный товар не находит себе более сбыта». Его вытесняли стекло, эмалированная и жестяная посуда, дешевый фаянс. «Горшечники, наперекор всем требованиям рынка, из года в год производят одну и ту же посуду» (Егоров, 2011, с. 78, 195, 208).

М.В. Карташова справедливо обратила внимание на локальное место горшечного промысла. Группа, «в которую входили гончарный, кирпичный, изразцовый промыслы, изготовление глиняных свистулек, не имела всероссийского значения. Изделия сбывались на местных рынках. Региональные центры гончарного производства сложились практически во всех губерниях» (Карташова, 2025, с. 381). Перевозка достаточно хрупкой и недорогой глиняной посуды на большие расстояния была крайне сложна.

Гончарное производство затрагивалось в региональных исследованиях по кустарным промыслам (Перепелицын, 2005; Никулин, 2017; Григорова, 2017; Махрачев, 2023). Наибольшее значение имеет цикл трудов, непосредственно посвященных гончарному мастерству. В них подробно, с анализом технологий, рассматриваются локальные центры, показаны особенности, динамика производства (Шмагало, 1992; Скобликова, 2014; Шевчук, 2015, 2017; Мамонтова, 2015; Вечорко, 2017).

Интерес вызывают диссертации по сопредельным регионам. В работе археолога Р.С. Кирсанова сочетались археологический анализ вещевых коллекций, материалы опросов гончаров и привлечение письменных источников, отдельная глава посвящена гончарному производству Самар-

ского края с подробным анализом местных технологий. Автор, опираясь на труды предшественников (А.А. Бобринского, Е.П. Бусыгина и др.), проследил истоки архаичного гончарства из Костромской губернии и высокоразвитого с украинских регионов (Кирсанов, 2000). Вообще, на стыке археологии и собственно истории в Среднем Поволжье гончарство изучается весьма основательно.

Это подтвердила защищенная в Казани диссертация специалиста по декоративно-прикладному искусству А.Ю. Махинина (Махинин, 2012). В селе Пестрецы изготавливалась строительная керамика, утилитарная (бытовая) гончарная посуда, мелкая пластика. На основе народного промысла в 1912 г. открывается Пестречинская гончарная художественно-ремесленная учебная мастерская А.И. Ильинского. Казанский край был тесно связан речными коммуникациями с Бирском, возле Елабуги даже действовал Кокшанский керамический завод, выпускавший плитку для полов и каминов.

А.Ю. Махинин выделяет причины возникновения гончарного промысла – потребность в дополнительном заработке, наличие сырья, спрос местного населения (Пестрецы лежат недалеко от Казани). При объяснении истоков гжельского промысла добавляют бедные глинистые почвы в лесном краю, малопригодные для сельского хозяйства. Думаем, что в каждом конкретном случае работала комбинация этих факторов, среди которых к началу XX в. на первое место, с нашей точки зрения, выходили запросы местных рынков.

Даже в города происходил непрерывный привоз простой гончарной посуды деревенских ремесленников. Ее везли в Санкт-Петербург, где продавали лавочникам на Сенной площади, в Тихвин, Гатчину, Царское Село, Петергоф (Никулин, 2017, с. 186, 188–190). В многочисленных рабочих окраинах на столах стояли обычные глиняные тарелки. С фотографии предположительно 1916 г. на уфимской Верхне-Торговой площади видно изобилие простой гончарной посуды: всевозможные горшки и миски, вплоть до очень крупных, рядами расставлены на снегу (Роднов, 2024, с. 84).

В краеведческой литературе по Уфимской губернии гончарное производство мимоходом упоминается в обобщающих трудах. Лишь историк-любитель А.Н. Дегтярев выпустил несколько работ, затрагивая местные кустарные промыслы. Он немного говорит о горшечном промысле, отмечая, что каменная (глиняная) посуда стоила от 2 до 20 коп. (Дегтярев, 2000, с. 46). Уфимская статистика оставила небольшое наследие по кустарным промыслам.

ОБСУЖДЕНИЕ

При изучении гончарного производства необходимо учитывать, что даже среди кустарных занятий изготовление посуды носило наиболее «потребительский», локальный, малотоварный характер. Это в значительной степени объяснялось дешевизной самой продукции, стоившей копейки.

Краевед-историк XIX в. Р.Г. Игнатьев приводил обычаи русского населения Южного Урала. Так, в Миасском заводе свадебный обряд включал попойку, где «женщины с криком бьют горшки» [2, с. 263]. В Троицком уезде на свадьбе «женщины, подвыпивши порядком, бьют горшки, если невеста оказалась девицей» [3, с. 378]. Никакую другую домашнюю утварь не ломали.

Тот же Р.Г. Игнатьев в 1866 г. провел подробное статистическое обследование города Бирска. Видимо, от местных властей он узнал число городских ремесленников, среди которых оказались всего два горшечника. Сам же Бирск в 1865 г. насчитывал 3112 жителей при 479 домах. Если на каждое жилище условно в среднем считать по десятку штук глиняной всевозможной посуды, то бирский городской рынок потреблял около 5 тыс. изделий гончарной продукции, достаточно хрупкой и недолговечной, между прочим. Сложно поверить, что два мастера выпускали такие объемы. Хотя...

По данным северо-западных губерний, семья горшечника в месяц изготавливала несколько сот горшков, за день один горшечник на гончарном круге мог сделать до 100 горшков средней величины или столько же чашек. По другим сведениям, дневная выработка гончара достигала даже 200 или 300 изделий (Никулин, 2017, с. 187, 189). В Уфимской губернии «большая часть заведений [гончаров] работает в течение весенних и летних месяцев в свободное от сельско-хозяйственных работ [время]» [5, с. 120]. В любом случае, за полгода два горшечника могли изготовить не менее одной тысячи изделий.

В современном обществе нормы боя посуды (нормы эксплуатационных потерь фарфорово-фаянсовых изделий) в предприятиях рядовой категории (общедоступные кафе и рестораны) исчисляется в денежном эквиваленте, в среднем составляя около 0,5% годового розничного товарооборота, при этом чем богаче заведение, тем выше процент боя посуды. Это было установлено приказом Минторга СССР в 1982 г., действовал по 2020 г. Если перевести эти стандарты в натуральные величины, тогда годового боя глиняной посуды в Бирске исчислялся совсем небольшими числами.

Двух горшечников, в принципе, вполне могло хватать для обеспечения рынка небольшого уездного городка, а на постоянные в Бирске базары привозили свою продукцию деревенские кустари.

Затем, у населения в изобилии было деревянной посуды (чашки, ложки), в Бирске проживал один ремесленник, резавший деревянную посуду. Более состоятельные семьи покупали дорогую фарфоровую, фаянсовую, стеклянную посуду, хрусталь. Хотя бы в небольшом числе, но у всех имелась ценная железная посуда (котлы, чайники, сковороды и пр.), а также самовары.

Это подтверждают сведения о бирской ярмарке 1866 г., куда привезли всевозможные металлические изделия, на 100 руб. посуды дубовой (всю скупили), посуду фарфоровую и фаянсовую (привезли на 4 тыс. руб., продали на 800 руб.), а также стеклянную и хрустальную (на 500 и 100 руб.,

соответственно) [2, с. 201, 216, 219]. В домах уже стояли шкафы с посудой, в простых избах ей отводили место на полках.

В последующих справочниках Бирск не упоминался как центр гончарного производства. На 1886 г. сообщалось о наличии в Бирске уже трех кустарей горшечников (18 чел. в семьях) (Роднов, 2026, с. 134). Более интересные данные приводит Первая всеобщая перепись населения 1897 г. При распределении жителей по видам занятий выделялась группа № 28: «обработка минеральных веществ (керамика)». В Бирске этим занимались 19 мужчин и 7 женщин (sic!), членов семейств еще учли 15 мужских и 33 женских души [7, с. 94]. Это уже внушительная группа горожан – 74 человека. Город стремительно развивался, росли все слои населения от купцов до рабочих, спрос на посуду также возрастал. Город стоял на речном пути, поэтому для состоятельных жителей завозилась всевозможная посуда – от стальной до кузнецовского фарфора. Но в погребах непременно стояли глиняные корчаги, горшки, на подоконниках – цветочные банки, глазурованные миски доставались в обед и ужин. Население Бирска увеличивалось в основном за счет миграции из деревень, вчерашние крестьяне долго сохраняли сельские стандарты питания и, соответственно, посуды. Керамика оставалась востребованной.

Логично, что мастера-гончары начали селиться рядом друг с другом. Так, на северной окраине Бирска возникает Гончарная слобода, именовавшаяся в просторечии Гончаркой. По картам города вплоть до начала XX в. граница северной застройки проходила по улице Кладбищенской, современное название – Лермонтова. Она протянулась с востока на запад, где располагались кладбище (сохранилось) и рядом Свято-Троицкий женский монастырь. Народу здесь проживало немного, по улице Кладбищенской в 1917 г. было всего десять усадеб.

Далее раскинулись сельскохозяйственные угодья (деревни Гребени, Покровское). Само селение бывших удельных крестьян лежало в 13 верстах к северу от Бирска, видимо, поэтому дальние угодья сдавались под застройку. Даже на карте Бирска 1932 г. из коллекции Бирского исторического музея за Гончарной слободой (ул. Гончарной) показаны «земли с.-х. назначения». Гончарка возникла в небольшом (в пределах современного квартала) отдалении от сплошной городской застройки. Почему именно там поселились кустари? Дело в том, что к северу от кладбища на всех картах показан «овраг крутой», начало которого находится возле Гончарки. Там добывали глину.

Гончарка возникает на рубеже XIX–XX вв. и сразу была включена в состав города. В инвентарно-окладной книге Бирска, подготовленной до 1904 г., самого названия еще нет, что свидетельствует о сравнительно недавнем поселении. Но поименный состав домовладельцев в сравнении с материалами городской переписи 1917 г. показывает, это одно и то же население. В инвентарно-окладной книге эти дворы сгруппированы под заголовком: «без кварталов, около кладбища» (Роднов, 2026, с. 473).

Всего в начале 1900-х гг. здесь возвели 15 жилых одноэтажных домов, из них четыре именовались просто изба (еще одна изба стояла на усадьбе как второе жилье, и был один прируб), учли два подвала. Все крыши покрывались тесом, в двух случаях нет информации, лишь единственный дом Петра Николаевича Пономарева имел железную крышу. Это были маленькие домики объемом от 2 до 14 куб. саж., оценкой в небольшие суммы – от 3 до 23 руб. И ни у кого не было огородов, приусадебной территории.

Бедная рабочая окраина на неплодородных (с глиной) почвах мало привлекала как ремесленников-гончаров, так и просто бедное население. Из 15 семейств через десяток лет остались тут жить всего пятеро. Их с наибольшей вероятностью и можно считать занимавшимися промыслом.

Комплектовалось население Гончарной слободы из самых разных уроженцев, частично это были представители распространенных в Бирске фамилий (Галановы, Тороповы, Самойловы и др.), другие переселялись из деревень. Это подтверждают записанные Л.К. Хаковой в июне 2026 г. воспоминания о переселении семьи гончаров Нориных в Бирск из деревни Баженово уже в советское время. Миграция продолжалась и новые обитатели, занимавшиеся промысловой деятельностью, селились именно в Гончарке. К примеру, в Баженовке одной из самых распространенных была фамилия Климины и в 1917 г. в Гончарке проживал Иван Лаврентьевич Климин с семейством (еще одна семья Климиных обитала в Бирской Верхней слободе, тоже небогатой городской окраине).

В самом конце 1890-х гг. по поручению Уфимского губернатора Н.М. Богдановича делопроизводитель Уфимского губернского кустарного отдела Н.П. Газов собрал подробные сведения по всем волостям. В отличие от других источников, Газов установил, что в деревне Ново-Петровке пригородной Старо-Петровской волости «некоторые лица делают деревянную посуду», в деревне «Родыгине обжигают кирпичи, в д. Пономарёвке – глиняную посуду» [1, с. 58, 59]. То есть, по меньшей мере небольшое гончарное производство в окрестностях Бирска существовало, откуда на базар везли горшки и крынки, затем в город переселялись отдельные мастера, в Гончарку. Само возникновение специализированной Гончарной слободы в Бирске показывает развитие городского рынка, такая же ситуация была и в Уфе, где посуду делали в особом районе – Нижегородке.

ГОРОДСКАЯ ПЕРЕПИСЬ 1917 ГОДА

Сохранившиеся в уфимском архиве карточки городской переписи 1917 г. (в Бирске проводилась осенью, в октябре) позволяют увидеть население Гончарной слободы (таблица 1)¹.

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 111.

Таблица 1. Население Гончарной слободы города Бирска в 1917 г.
Table 1. Population of the Goncharnaya Sloboda of the city of Birska in 1917

Кв.	Обстановка	Квартирохозяин, постоянно живут, возраст, статус
Ул. Гончарная, д. 2. Домовладелец – Прасковья Максимовна Рубцова		
Кв. 1	1 комната, русская печь, плита	1. Рубцова Прасковья Максимовна, 43, хозяйка 2. Петр, 6, сын 3. Ситников Никифор Димитриевич, 55, жилец
Ул. Гончарная, д. 3. Домовладелец – Андриян Кузмич Вепрев		
Кв. 1	1 комната, русская печь	1. Вепрев Андриян Кузмич, 50, хозяин 2. Арина Феладеновна, 43, жена 3. Иван, 22, сын 4. Аграфена, 23, жена сына 5. Анна, 16, дочь хозяина
Ул. Горшечная, д. 4. Домовладелец – Евгений Димидович Киселев		
Кв. 1	2 комнаты, русская печь, дойная корова	1. Киселев Евгений Димидович, 42, хозяин 2. Евдокия Никифоровна, 45, жена 3. Степан, 15, сын 4. Парасковья, 12, дочь 5. Мария, 10, дочь 6. Александра, 7, дочь 7. Николай, 6, сын
Ул. Гончарная, д. 6. Домовладелец – Анастасия Яковлевна Торопова		
Кв. 1	1 комната, русская печь, дойная корова, подтелка	1. Торопова Анастасия Яковлевна, 56, хозяйка 2. Торопов Павел Исаевич, 30, сын, во временной отлучке 3. Торопова Татьяна Исаевна, 16, дочь, во временной отлучке
Ул. Гончарная, д. 7. Домовладелец – Григорий Ильич Ерыжинов		
Кв. 1	1 комната, русская печь, нерабочая лошадь, дойная корова, нежилое помещение	1. Ерыжинов Григорий Ильич, 43, хозяин 2. Степанида Николаевна, 39, жена 3. Александра, 9, дочь
Ул. Гончарная, д. 7. Домовладелец – Григорий Егорович Белоусов		
Кв. 1	1 комната, русская печь, рабочая лошадь до 4-х лет, дойная корова, теленок, 2 поросенка	1. Белоусов Григорий Егорович, 47, хозяин 2. Анна Максимовна, 47, жена 3. Екатерина, 12, дочь 4. Анна, 6, дочь 5. Петр, 3, (сын) 6. Елена, 0, дочь
Ул. Гончарная, д. 8. Домовладелец – Димитрий Степанович Желонкин		
Кв. 1	2 комнаты, русская печь	1. Желонкина Мария Павловна, 70, хозяйка,
Ул. Гончарная, д. 12. Домовладелец – Алексей Петрович Смирнов		
Кв.	2 комнаты, рус-	1. Смирнов Алексей Петрович, 38, хозяин

1	ская печь	2. Софья Васильевна, 38, жена 3. Филипп, 16, сын 4. Егор, 13, сын 5. Михаил, 8, сын 6. Павел, 7, сын 7. Александр, 4, сын 8. Таисия, 0, дочь
Ул. Горшечная, д. 13. Домовладелец – Василий Николаевич Пономарев		
Кв. 1	2 комнаты, 2 русских печи, голландка, не-рабочая лошадь, дойная корова	1. Пономарев Василий Николаевич, 58, хозяин 2. Ольга Петровна, 60, жена 3. Юсупова Мария Васильевна, 25, дочь 4. Иван Семенович, 26, муж дочери, в армии 5. Валентина, 8, дочь 6. Антонина, 7, дочь 7. Сергей, 3, сын 8. Брызгалов Даниил Савельевич, 78, жилец
Ул. Гончарная, д. 15. Домовладелец – Иван Романович Лаптев		
Кв. 1	2 комнаты, рус-ская печь, гол-ландка, коза	1. Лаптев Иван Романович, 27, хозяин 2. Евдокия Семеновна, 25, жена 3. Лидия, 7, дочь 4. Александра, 5, дочь 5. Петр, 5, сын 6. Таисия, 0,5, дочь 7. Константинов Семен Васильевич, 17, рабочий
Ул. Гончарная, д. 16. Домовладелец – Маремьяна Ермолаевна Шмакова		
Кв. 1	1 комната, рус-ская печь, дой-ная корова, 2 свиньи	1. Шмакова Маремьяна Ермолаевна, 74, хозяйка 2. Иванова Евдокия Феодоровна, 48, дочь хозяйки 3. Елизавета, 15, внучка 4. Мария, 8, внучка
Ул. Гончарная, д. 18. Домовладелец – Лукьян Васильевич Пермин		
Кв. 1а	1 комната, рус-ская печь, под-топок, дойная корова, нежилое помещение	1. Пермин Лукьян Васильевич, 75, хозяин 2. Прасковья Ефремовна, 75, жена 3. Анастасия Павловна, 32, сноха 4. Евлампий Лукьянович, 32, муж снохи, в армии 5. Трофим Лукьянович, сын хозяина, в армии 6. Вера, 8, дочь снохи 7. Геннадий, 5, сын снохи 8. Александр, 3, сын снохи 9. Павел, 1,5, сын снохи
Кв. 1б	вместе с 1а	1. Желчева Анна Гаврииловна, 22, жилища 2. Иван Николаевич, 24, муж 3. Анатолий, 1, сын
Кв. 1в	вместе с 1а	1. Абрамова Авдотья Гаврииловна, 36, хозяйка 2. Михаил Карпович, 38, муж, в армии 3. Мария, 12, дочь хозяйки 4. Александр, 6, сын
Кв.	2 комнаты, рус-	1. Климин Иван Лаврентьевич, 39, хозяин

Роднов М.И., Хакова Л.К. БИРСКАЯ ГОНЧАРНАЯ СЛОБОДА

2	ская печь	2. Прасковья Гаврииловна, 40, жена 3. Фекла, 16, дочь 4. Александр, 13, сын 5. Анастасия, 8, дочь 6. Алексей, 7, сын 7. Лидия, 5, дочь 8. Мария, 1, дочь
Гончарная слобода, д. 20. Домовладелец – Вера Емельяновна Ладыгина		
Кв. 1	3 комнаты, русская печь, голландка	1. Ладыгина Вера Емельяновна, 60, хозяйка 2. Мирон Степанович, 70, муж 3. Мария Семеновна, 33, сноха 4. Семен Миронович, 33, муж снохи (сын), в армии 5. Димитрий, 11, сын 6. Илья, 4, сын 7. Екатерина, 7, дочь
Ул. Гончарная, д. 21. Домовладелец – Иван Андреевич Мосунов		
Кв. 1	2 комнаты, русская печь	1. Мосунов Иван Андреевич, 58, хозяин 2. Акулина Петровна, 57, жена 3. Николай, 24, сын 4. Иван, 22, сын, в армии 5. Клавдия, 17, дочь 6. Вера, 14, дочь 7. Илья, 10, сын
Ул. Гончарная, д. 21. Домовладелец – Елизавета Ивановна Морозова		
Кв. 1	2 комнаты, русская печь, подтопок	1. Бахтина Парасковья Ефремовна, 38, хозяйка 2. Степан Иванович, 47, муж 3. Петр, 16, сын 4. Александр, 13, сын 5. Анна, 9, дочь 6. Анастасия, 4, дочь 7. Антонина, 2, дочь
Ул. Гончарная, д. 22. Домовладелец – Мария Егоровна Белоусова		
Кв. 1	1 комната, русская печь, дойная корова	1. Белоусова Мария Егоровна, 48, хозяйка 2. Добрынин Сильверст Иванович, 45, незаконный (невенчаный) муж 3. Феодор, 9, сын 4. Александр, 11, сын
Ул. Гончарная, д. 24. Домовладелец – Варвара Васильевна Сушкова		
Кв. 1	3 комнаты, русская печь, подтопок	1. Сушкова Варвара Васильевна, 36, хозяйка 2. Сергей Яковлевич, 34, муж, в армии 3. Алексей, 13, сын 4. Тимофей, 9, сын 5. Михаил, 8 месяцев, сын 6. Надежда, 11, дочь 7. Елизавета, 8, дочь 8. Евдокия, 6, дочь

Ул. Гончарная, д. 27. Домовладелец – Семен Павлович Исупов		
Кв. 1	2 комнаты, русская печь, голландка, дойная корова	1. Исупов Семен Павлович, 56, хозяин 2. Мавра Спиридоновна, 47, жена 3. Елизавета, 17, дочь 4. Мария, 15, дочь 5. Михаил, 10, сын 6. Анна, 5, дочь
Ул. Гончарная, д. 28. Домовладелец – Исак Николаевич Егошин		
Кв. 1	1 комната, русская печь, дойная корова, теленок	1. Егошин Исак Николаевич, 48, хозяин, во временной отлучке 2. Евдокия Ивановна, 39, жена 3. Мавра Исаковна, 20, дочь 4. Штейнмиллер Николай Германович, 22, муж дочери 5. Вера, 2, дочь Мавры
Ул. Гончарная, д. 29. Домовладелец – Архип Архипович Быков		
Кв. 1	1 комната, русская печь, подтелка	1. Быков Архип Архипович, 70, хозяин 2. Ульяна Степановна, 50, жена
Ул. Гончарная, д. 30. Домовладелец – Петр Сидорович Смирнов		
Кв. 1	1 комната, русская печь, рабочая лошадь	1. Смирнов Петр Сидорович, 70, хозяин 2. Александра Степановна, 70, жена 3. Семенов Иван Васильевич, 22, зять, в армии 4. Екатерина Петровна, 29, дочь 5. Смирнова Анна Петровна, 19, дочь 6. Семенова Анастасия, 3, внучка 7. Семенова Мария, 0, внучка
Ул. Гончарная, д. 34. Домовладелец – Истор Иванович Гилев		
Кв. 1	1 комната, русская печь, рабочая лошадь	1. Гилев Яким Феодорович, 47, хозяин 2. Дария Кузьминична, 44, жена 3. Илия, 7, (сын) 4. Феодор, 4, сын 5. Клавдия, 2, дочь
Ул. Гончарная, без номера (между №№ 12 и 29). Домовладелец – Евдокия Клементьевна Решетникова		
Кв. 1	1 комната, русская печь, дойная корова	1. Решетникова Евдокия Клементьевна, 46, хозяйка 2. Кондякова Васса Ивановна, 17, дочь 3. Тимофеева Васса Мосеевна, 75, мать

Фамилии, имена, отчества приводятся как в источнике, сначала идет собственник жилья (усадыбы) – домохозяин (мог быть и арендатором), затем в списке жильцов первым пишется квартирохозяин (в таблице – хозяин, хозяйка), после указан возраст (число лет, 0 – несколько месяцев), в круглых скобках добавлены пропущенные, но очевидные сведения, например, сын.

Сама городская перепись 1917 г. – очень редкий источник, сохранившийся в считанном количестве архивов страны, совершенно неизвестный,

не используемый историками и почти нигде не публиковавшийся. Лишь бирский краевед С.Ф. Сахратуллин включил ее материалы в свою работу, но в сокращенном виде (Сахратуллин, 2000). По ряду регионов их материалы сразу издавались (см., напр.: [4]) (проведение самой переписи здесь не рассматривается). Во время обследования использовалось несколько формуляров: подворная ведомость (форма № 1) и поквартирная карточка (форма № 2), в таблице 1 их данные объединены. Изредка на местах встречался иной формуляр (печатали на местах, когда не хватало бланков).

Городская перепись 1917 г. проводилась вместе с более известной сельскохозяйственной и поземельной, но количество информации несравненно меньше. Городское население, в отличие от сельского, невозможно заставить давать сведения по экономике, поэтому, кроме демографических данных, собирались показатели, которые было видно воочию: число комнат (без их размера), отопительных печей и домашнего скота.

Печи подразделялись на кухонные русские печи, плиты, подтопки, голландские, ваннные, каминные и прочие (в Бирске появляются уже железные печи – буржуйки). Подробная градация была по домашнему скоту: рабочие лошади старше и до 4-х лет, нерабочие лошади (от 1 года до рабочего возраста), жеребята до 1 года, дойные коровы, нетели старше 1,5 лет, подтелки и бычки от 1 года до полутора лет, телята до года, свиньи и борова старше одного года, поросята до 4-х месяцев. Птицу, кроликов, пчел, огороды и сады городская перепись не фиксировала.

Тем не менее, даже при такой ограниченной информации городская перепись 1917 г. открывает огромные перспективы для историков и краеведов (Иллювиев, 2024). Из таблицы 1 видно, что Гончарная слобода Бирска насчитывала уже 23 домохозяйства, но из 15 семейств на 1904 г. осталось всего пять старожилов, мобильность населения на бедной окраине была большой. Очевидно, что продолжался процесс освоения территории. Незадолго до переписи в Бирске ввели нумерацию домохозяйств, не все номера в наличии, дважды указаны одинаковые номера (7 и 21), видимо, оставались пустые, незастроенные участки. Даже название Гончарной улицы еще не закрепилось окончательно, в одном случае вписали Гончарная слобода (№ 20), дважды улицу именовали Горшечной (№ 4 и 13), что говорит о главной продукции местных кустарей.

Но общая картина очевидна. В начале XX в. Бирск переживал эпоху расцвета, население города быстро увеличивалось в первую очередь за счет рабочих окраин. Осенью 1917 г. в Гончарной слободе проживало уже 140 душ, включая временно отсутствовавших и призванных в армию.

Хотя большинство по-прежнему составляли одноэтажные и однокомнатные домики (избушки), в 1917 г. из 23 построек насчитывалось 8 двухкомнатных (как минимум, это классический капитальный пятистенки) и выстроили три трехкомнатных дома. У всех дымили русские печи, но в четырех домах стояли голландские печи, своеобразный признак зажиточности (и культуры). Также в ряде случаев выкладывали подтопок – небольшую до-

полнительную отопительно-варочную печь, совмещенную с подовой (камерной) русской печью, обычно пристроенную ниже или сбоку от устья печи. Его топили летом, когда не нужно всю печь разогревать, на нем быстро готовили пищу. Появление голландок (их устройство неизвестно, могли быть и с кухонными плитами) и подтопков свидетельствует о расчетливости новых обитателей Гончарной слободы, экономивших недешевые здесь дрова. Часть печей могла использоваться для обжига керамики.

В двух случаях (№ 7 и 18) отмечены нежилые помещения, причем второй – это владение Лукьяна Васильевича Пермина (Перминова в 1904 г.), одного из пяти старожилов и возможного кустаря-ремесленника. Вероятно, это гончарные мастерские. В доме № 15 проживал рабочий, появляются квартиранты (жильцы) и много съемщиков видим как раз на усадьбе № 18 того же Л.В. Пермина. Они теснились в небольшом доме, но, обратим внимание, именно здесь обосновалось семейство Климиных из Баженовки. Можно предположить, селили земляков, помогавших в промысле.

Конечно, нет свидетельств, что все обитатели Гончарки лепили горшки. Сюда переселялся самый разный люд, небогатый, трудившийся кто где. Так, Желонкины (№ 8) служили при бирской больнице, сам – сторожем. Больничный городок находился недалеко. Отметим немалый возраст новых обитателей Гончарки: А.А. Быкову и П.С. Смирнову в 1917 г. исполнилось 70 лет, М.Е. Шмаковой – 74 года. В Гончарку переезжали целыми семьями.

А преобладание сельских уроженцев показывает местное стадо из 11 дойных коров, немало паслось иной скотины, было три рабочих и две нерабочих лошади. В общем северная окраина Бирска активно застраивалась, обилие детишек младших возрастов – лучшее доказательство успешного развития Гончарки.

По сравнению с инвентарно-окладной книгой около 1904 г., в 1917 г. продолжали здесь жить пять семейств: Андреяна Кузьмича Вепрева (№ 3 в таблице), видимо, почившего Тимофея Константиновича Рубцова заменила вдова Прасковья Максимовна Рубцова (№ 1), здравствовали Семен Павлович Исупов (№ 27), Василий Николаевич Пономарев (№ 13) и Лукьян Васильевич Пермин (№ 18). В 1904 г. в Гончарке проживал еще брат Петр Николаевич Пономарев, а также Илья Афанасьевич Пономарев, видимо, подселился сюда клан родичей, но оба последних съехали.

У всех «коренных» обитателей Гончарки были немалые семьи, исключая вдову Рубцову. Всего же из 23 домовладений в восьми случаях хозяевами (собственницей или арендатором) являлись женщины, каждая третья усадьба была в «бабьих» руках. Вспомним, данные переписи 1897 г. выше, что гончарным промыслом в Бирске занималось 19 мужчин и 7 женщин. Вполне вероятно, и женщины лепили горшки с тарелками на продажу.

Гончарный промысел носил узколокальный характер, поэтому в местном исследовании ему отвели скромное описание. В Уфимской губернии производится «исключительно посуда из красной глины – горшки, корча-

ги, квашенки, банки и т. д.» Валовой доход определялся в пределах от 69 до 250 руб., в среднем – 81 руб. Кроме глины употребляли сурик, деготь, смолу, свинец и дрова для обжига. Посуда выпускалась в основном «простая – черная без глазури». Работали прямо в жилой избе, лишь обыкновенная русская печь «делается несколько больших размеров». Только при изготовлении глазурованной посуды устраивали маленькие мастерские в отдалении (в логу, у речки), где ставили особый горн для обжига посуды. Главным в производстве являлось «кружало», гончарный круг, на котором формировалась посуда [5, с. 120, 121].

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Во время сбора материалов в июне 2026 г. Л.К. Хаковой с помощью краеведа из Бирска Радика Зариповича Валитова удалось записать рассказ Григория Александровича Норина (1955 г. р.), сына последнего гончара с улицы Гончарной Александра Сергеевича Норина (1930–2002).

«В Бирск дед Сергей перебрался из-под Баженово Бирского района (Норины – распространенная фамилия в Баженово – *М.Р., Л.Х.*), активно гончарил, потом был призван на фронт в 1941 г. и пропал без вести. Александр жил в доме на улице Гончарная (ныне Кадомцева, 6), который потомками уже много раз перепродан и обновлен. Этот дом Александр Норин построил в начале 1960-х гг. Продаст свою глиняную продукцию на базаре, купит несколько бревен на сколько хватит денег. Так по бревнышку и выстроил дом для семьи. За домом в логу набирали лопатой глину в ведра и приносили домой для замачивания. Воду по талонам, которые выдавал домком, набирали на Малогончарном роднике с соседней улицы, сначала шли прямо, потом спускались в лог, примерно с 2–3 километра пройдя до него. Там стоял домик и сторож. Талонов давали по количеству членов семьи. Летом ниже родника полоскали выстиранное дома белье, зимой на реке Белой делали проруби, дорожку к ним укрепляли досками.

В сенях был гончарный круг, на котором искусно работал отец, он был настырным и всегда воодушевленным. Любил глину, движение гончарного круга. Изделия (трубы для печей, кувшины, плошки, горшки) устанавливались на деревянные стеллажи в углу дома. Посередине комнаты стояла русская печь, дом отапливался дровами, на голландке готовили еду. По мере подсыхания готовность изделия щелчком проверяли, по-разному позванивала посуда. Для следующей стадии глиняная вещь должна быть полусухая.

В огороде под логом соорудили дощатый сарай, где стоял горн для обжига. Это овальное сооружение в виде башкирской юрты из кирпича, купленного у мастера-кустаря на рынке. Высота сооружения около 3 метров. Внутри трубы, расположенные горизонтально, для укладки изделий. Отец залезал вовнутрь, а жена с сыном Григорием осторожно подавала изделия, которые отец аккуратно по своей схеме располагал. Сверху вход

закладывали черепицей, оставляя дымоход. Снизу топка, в которую снаружи подкладывали поленья и разводили костер, который помешивали длинной кочергой, чтоб не было яркого пламени, а шло ровное тепло. Всю ночь топили. Огонь надо поддерживать без сильного пламени, дрова брались полусухие. Несколько дней изделия оставались внутри печи, на стенах которой собиралось много копоти. После полного остывания продукция бережно доставалась, доводилась до готовности: подчищалась, покрывалась кисточкой каким-то составом, придававшим блеск, гладкость, незатейливую узорчатость. Готовые изделия полноправно селились в доме, водруженные на стеллажи. В базарные дни гончар с супругой загружали готовый товар на самодельную тачку в два колеса и вывозили продавать в район нынешнего ГДК (городского дома культуры). Первоклассные изделия Норина Александра Сергеевича ценились и бойко раскупались как на базаре, так и из дома на заказ. На вырученные деньги приобретались дрова и другие базарные вещи для семейства. Александр и Александр создали семью в 1953 г. и отселились от родителей в лог, в землянку. Тогда действовал закон, если не работаешь на государство, под строительство дома земля в городе не выдавалась. У четы Нориных родились шестеро детей (Надя, Григорий, Сергей, Галя, Люда, Надя), выросли Григорий, Галя, Надя. Мама Норина Александра Сергеевна, в девичестве Тимофеева (1934–2003).

Норин Григорий живет на бывшей Гончарной в бабушкином доме (ныне Кадомцева, 23). Норина Дарья Алексеевна прожила здесь до 1982 г. При ремонте много глиняных черепков ушло как расходный материал. Но несколько изделий и кочерга случайно сохранились.

А.С. Норин гончарил до [19]60-х гг., потом времена нэпа (так в воспоминаниях – авт. *М.Р., Л.Х.*) запретили частное производство. В округе все быстро свернулись. Некоторое время работал по-партизански. На дом вешали большой замок для проверяющих из налоговой. Александр Норин самый последний на Гончарке закрыл свое любимое дело. Устроился в МСО (межколхозная строительная организация) бригадиром пилорамы. Награды: медали "К столетию Ленина 1870–1970 гг.", "Победитель соцсоревнования 1977 г.", "60 лет СССР, 1922–1982 гг.", "60 лет Октябрьской революции 1917 г." Все это бережно хранит сын.

Григорий Норин после окончания 8 классов в СОШ № 9, учился в СПТУ 26 на машиниста-тракториста. В Бирской автоколонне [№] 1836 начал слесарем, после службы в ВДВ десантником сел за руль автомобиля. Проработал с 1973 по 2005 гг. Имеет много грамот. Его портрет помещен в городскую галерею трудовой славы (весна 1990 г.). Потом водитель дальних перевозок».

Без сомнения, описанная технология изготовления гончарной посуды применялась бирскими гончарами и в начале XX в. Сергей Норин переселился в город уже владея навыками гончарного ремесла, это подтверждают отдельные сообщения о кустарном производстве в окрестных деревнях.

Отметим раздельное использование печей – для приготовления пищи использовали голландку (в 1917 г. зафиксированы в четырех домах), а русская печь служила для отопления и, возможно, для производства. Но главным являлся горн для обжига в огороде. Во время переписи 1917 г. регистрировались только печи внутри жилища и подобные технические печи (горны) на улице не попадали в поле внимания статистиков.

В воспоминаниях Григория Александровича Норина видно, как врезалась в память востребованность гончарной продукции у жителей Бирска даже в советское время. Продукцию не только бойко раскупали на базаре, но и специально заказывали у мастера. Гончарное ремесло, как частное предпринимательство, было насильно уничтожено властью в 1960-е гг.

Второй рассказ о Гончарке Л.К. Хакова записала 12 июня 2026 г. у преподавателей, ветеранов Бирского медицинского училища Джамили Нагимовны и Виктора Николаевича Корепановых. «Гончарка – это родина отца. Николай Семенович Корепанов (р. 1917) прожил 68 лет. Как ушел на фронт Великой Отечественной войны, больше в Бирск не возвращался, стал военным. Когда служил в Заполярье, я родился там. Мама Татьяна Рыбченко, с Украины. Потом все обосновались в Самарской области, г. Ново-Куйбышевск. Помню гончара соседа бабушки, его все звали просто Кузьмич.

Кузьмич Репин жил по соседству в доме номер 5 на улице Гончарная (ныне Кадомцева, 5), где я бывал у своей бабушки. Кузьмич активно гончарил, делал дома и во дворе глиняные копилки, свистульки, трубы, горшки и многое другое. Напротив, в овраге у него была своя печь. Летом 1966 г. ему было далеко за 80 лет, он ходил в шапке и фуфайке. Когда он умер, дети сломали мастерскую и нашли 3 мешка денег: екатерининские, советские, видимо, копил. Сад был огромный. Яблони активно плодоносили, сортовые были. Под горой на спуск был мост и две большие березы. Напротив кладбище. Жили еще Васильковы, хозяин выделял рогозу, дети в Уфе, сын директор какого-то завода слышал».

Кузьмича Репина можно было бы соотнести с владельцем усадьбы на Гончарной, 3 в 1917 г. Андряном Кузмичем Вепревым, хотя присутствует разница в возрасте. Воспоминания Корепановых открывают несколько иной ассортимент гончарной продукции, а память о большом кладе и яблочном саде показывает зажиточность бирских гончаров.

Более того, Григорий Норин тоже вспомнил своих соседей с улицы Гончарной, дом 21. Им оказался Николай Исупов, одноклассник с его отцом. По его словам «Николай гончарил с супругой. У них был один сын. Люди молчаливые, трудолюбивые, "пыхтели" с посудой. Горн также [находился] отдельно в сарае». А в 1917 г. перепись зафиксировала жителя улицы Гончарной – Семена Павловича Исупова. Дореволюционные гончары продолжали изготавливать посуду в советскую эпоху, передавая мастерство детям.

Наконец, на Гончарке жила знаменитый бирский краевед Нина Владимировна Рыбалко. Ее рассказ краток: «Мое раннее детство прошло между

улицей Советской и Гончарной (ныне улица Фурманова), так называлась улица, которая упиралась в глубокий овраг, где добывалась глина для изготовления кухонной утвари. Вокруг оврага по обе стороны селились гончары. Улицу переименовали, но в народе еще долго жило старое название. На Гончарке жила моя бабушка Варвара Константиновна Шнейдер, переехавшая с улицы Кузнецкой в небольшой домик».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гончарный промысел еще несколько десятилетий сохранялся в советскую эпоху, о чем напоминало историческое название. Пока в 1967 г. исполком Бирского городского Совета депутатов трудящихся «в целях упорядочения и сокращения одноименных названий» не решил «улицу Гончарную переименовать в улицу имени Э. Кадомцева», о чем сообщила местная пресса [6]. Готовились к юбилею Великого Октября.

Если сейчас идти из центра Бирска по улице Интернациональной (бывш. Миллионной) то за гостиницей «Бирск» и Медико-фармацевтическим колледжем налево в сторону Белой и старого кладбища отходит небольшая улочка Кадомцева. Квартал между ней и следующей улицей Фурманова – это и есть бывшая Гончарная слобода, откуда на базары везли тысячи горшков и другой керамики, что охотно раскупали биряне и окрестные сельчане. А если по крутым склонам дальше спускаться к реке, можно выйти на родник Гончарный, он единственный хранит память о знаменитых бирских гончарах.

История бирской Гончарной слободы показывает устойчивость народных ремесел, до сих пор в домах держат немало керамики, уже в основном фабричной, и, увы, часто китайской. Остается важность изучения обыденной повседневности, хотя научная мысль и современники не очень большое внимание обращали на жизнь и запросы рядового населения. Поэтому необходимо привлекать новые исторические источники, как городская перепись 1917 г. Комплексное использование разной информации, включая воспоминания – историческую память населения, позволяет реконструировать реальную ситуацию прошлых эпох. Наконец, судьба бирской Гончарки переводит внимание с исторических центров, застроенных купеческими особняками, на трудовые окраины, где проживало абсолютное большинство населения, и которые в чрезвычайно малой степени привлекают внимание историко-краеведческой общественности и туристического бизнеса. Сейчас гончарное производство в Бирске возобновилось.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Газов Н.П. Кустарное дело в Уфимской губернии. Уфа: Тип. губ. правления, 1900. 174 с.
2. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / отв. ред. В.А. Лабузов; сост. М.И. Роднов. Т. II: 1866–1868 годы. Уфа, 2011. 290 с.
3. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. VII: 1880–1881 годы. Уфа, 2013. 407 с.
4. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 г. Калужская губерния. М.: Восьмая государственная типография, 1919. 203 с.
5. Кустарные промыслы Уфимской губернии. Издание Уфимской губернской управы. Уфа: Эл. тип. Т-ва «Печать», 1912. 193 с.
6. О переименовании улиц города // Победа (Бирск). 1967. 23 сентября.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел / под ред. Н.А. Тройницкого. XLV. Уфимская губерния: тетрадь 2. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. 189 с.
8. Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2003. 684 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Беловинский Л.М. История русской материальной культуры. М.: Вузовская книга, 2003. 424 с.
- Вечорко Г.Ф. Городенское гончарство: прошлое и настоящее. Пинск: ПолесГУ, 2017. 53 с.
- Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2004. 513 с.
- Григорова В.А. Кустарные промыслы Центрального Черноземья и их влияние на развитие промышленного производства во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2017. 419 с.
- Данилов П.Г., Загваздин Е.П. Керамическая посуда с усадьбы XVII–XVIII вв. г. Тобольска // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 2. С. 64–83.
- Дегтярев А.Н. Кустарное производство и товарно-денежное обращение в Уфимской губернии (1865–1917 гг.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 146 с.
- Егоров В.Г., Зозуля О.А., Палеолог М.В. Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Московской губернии). М.: Ин-т диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2011. 448 с.
- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / пер. с нем. К.Д. Цивиной; примеч. Т.А. Бернштам, Т.В. Станюкович и К.В. Чистова; послесл. К.В. Чистова. М.: Наука, 1991. 511 с.
- Илювиев С.В., Роднов М.И. Население Златоуста по материалам городской переписи 1917 года // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 1. С. 21–55. <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2024-9-1-21-55>

Карташова М.В. Кустарные промыслы и их государственная поддержка в Российской империи (1872–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2025. 605 с.

Кирсанов Р.С. Гончарное производство русского населения Самарского Поволжья в конце XVII–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 29 с.

Мамонтова О.С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2015. 24 с.

Махнин А.Ю. Пестречинский гончарный промысел в контексте истории художественной керамики Казанского края (вторая половина XIX – начало XX веков): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 20 с.

Махрачев Г.С. Развитие кустарной промышленности в Тамбовской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2023. 22 с.

Никулин В.Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 413 с.

Перепелицын А.В. Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период. Воронеж: ВГПУ, 2005. 170 с.

Роднов М.И. Уфимское купечество во второй половине XIX века. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. 362 с.

Роднов М.И. Купцы города Бирска во второй половине XIX века. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. 476 с.

Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1966. 260 с.

Сахратуллин С.Ф. Бирская старина. Город Бирск. Книга вторая. Бирск, б. и. 2000. 316 с.

Скобликова Т.Е. Связуя нить времен: традиционное гончарство в культуре Черноземья. Курск: Мечта, 2014. 160 с.

Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 267 с.

Шевчук Т.В. Традиционное гончарство Ярославской области XIX–XX вв. Центры. Стилистическое своеобразие: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2015. 32 с.

Шевчук Т.В. Традиционное гончарство Ярославской области XIX–XX вв. М.: Индрик, 2017. 214 с.

Шмагало Р.Т. Гончарные промыслы Украины конца XIX – начала XX веков: (исследование организационно-творческих процессов): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1992. 27 с.

REFERENCES

Belovinsky L.M. *History of Russian material culture*. Moscow: Vuzovskaya kniga, 2003. 424 p. (In Russian)

Vechorko G.F. *Gorodenskoye pottery: past and present*. Pinsk: PolesGU, 2017. 53 p. (In Russian)

Vodarsky Ya.E., Istomina E.G. *Rural handicrafts of European Russia at the turn of the 19th–20th centuries*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2004. 513 p. (In Russian)

Grigороva V.A. *Handicrafts of the Central Black Earth region and their impact on the development of industrial production in the second half of the 19th – early 20th centuries*: Dis. ... Doctor of Sciences (History). Voronezh, 2017. 419 p. (In Russian)

Danilov P.G., Zagvazdin E.P. Ceramic ware from a 17th–18th century estate in Tobolsk. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022. Vol. 34, no. 2, pp. 64–83 (In Russian)

Degtyarev A.N. *Cottage production and commodity-money circulation in the Ufa province (1865–1917)*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2000. 146 p. (In Russian)

Egorov V.G., Zozulya O.A., Paleolog M.V. *Handicrafts of the Non-Black Earth village in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Moscow Province)*. Moscow: Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS Countries), 2011. 448 p. (In Russian)

Zelenin D.K. *East Slavic ethnography*. Translated from German by K.D. Tsivina. Notes by T.A. Bernshtam, T.V. Stanyukovich, and K.V. Chistova. Afterword by K.V. Chistov. Moscow: Nauka, 1991. 511 p. (In Russian)

Illuviev S.V., Rodnov M.I. Population of Zlatoust According to Materials of 1917 City Census. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2024, vol. 9, iss. 1, pp. 21–55 <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2024-9-1-21-55> (In Russian)

Kartashova M.V. *Handicrafts and their state support in the Russian Empire (1872–1917)*: Dis. ... Doctor of Sciences (History). Nizhny Novgorod, 2025. 605 p. (In Russian)

Kirsanov R.S. *Pottery production of the Russian population of the Samara Volga region in the late 17th–20th centuries*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (History). Izhevsk, 2000. 29 p. (In Russian)

Mamontova O.S. *Pottery of the Russian population of Altai in the late 19th – first half of the 20th centuries*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (History). Tomsk, 2015. 24 p. (In Russian)

Makhinin A.Yu. *Pestrechinsky pottery in the context of the history of artistic ceramics of the Kazan region (second half of the 19th – early 20th centuries)*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (History). Kazan, 2012. 20 p. (In Russian)

Makhrachev G.S. *Development of the handicraft industry in the Tambov province in the second half of the 19th – first third of the 20th century*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (History). Tambov, 2023. 22 p. (In Russian)

Nikulin V.N. *Peasant crafts in the North-West of Russia (second half of the 19th – early 20th century)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. 413 p. (In Russian)

Perepelitsyn A.V. *Peasant crafts in the Central Black Earth Provinces of Russia in the post-reform period*. Voronezh: VSPU, 2005. 170 p. (In Russian)

Rodnov M.I. *Ufa merchants in the second half of the 19th century*. Ufa: Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2024. 362 p. (In Russian)

Rodnov M.I. *Merchants of the city of Birska in the second half of the 19th century*. Ufa: Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2026. 476 p. (In Russian)

Ryndzyunsky P.G. *Peasant industry in post-reform Russia (1860s–1880s)*. Moscow: Nauka, 1966. 260 p. (In Russian)

Sakhratullin S.F. *Birsk antiquity. The city of Birsk*. Book Two. Birsk, s.n., 2000. 316 p. (In Russian)

Skoblikova T.E. *Tying the thread of times: traditional pottery in the culture of the Chernozemye Region*. Kursk: Mechta, 2014. 160 p. (In Russian)

Tarnovsky K.N. *Small-scale industry of Russia in the late 19th – early 20th centuries*. Moscow: Nauka, 1995. 267 p. (In Russian)

Shevchuk T.V. *Traditional pottery of the Yaroslavl region in the 19th–20th centuries. Centers. Stylistic originality*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (History). Moscow, 2015. 32 p. (In Russian)

Shevchuk T.V. *Traditional pottery of the Yaroslavl region of the 19th–20th centuries*. Moscow: Indrik, 2017. 214 p. (In Russian)

Shmagalo R.T. *Pottery crafts of Ukraine in the late 19th – early 20th centuries: (research into organizational and creative processes)*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (Art History). Moscow, 1992. 27 p. (In Russian)

Информация об авторах:

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>; e-mail: rodnov@ufacom.ru

Хакова Лена Камильевна – краевед (Бирск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0008-3680-7056>; e-mail: lena_hakova21@mail.ru

About the authors:

Mikhail I. Rodnov – Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of History and History of Culture of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>; e-mail: rodnov@ufacom.ru

Lena K. Khakova – Local historian (Birsk, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0008-3680-7056>; e-mail: lena_hakova21@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 07.07.2026

Поступила после рецензирования / Revised 03.08.2026

Принята к публикации / Accepted 31.08.2026